

Всё, что шепчут СТЕНЫ

или
Алексей Тихий

Алексей Тихий

Всё, что шепчут стены

<https://litres.ru/74678017>

SelfPub; 2026

Аннотация

Можно ли восстановить дом, не вскрыв семейную тайну?

Анна Левина — реставратор, привыкшая доверять фактам. Но в старом доме стены шепчут о прежних жильцах. Её ждут комната, которой нет на плане, и семейная история, готовая рассыпаться. Кому принадлежит правда, если свидетели молчат?

Возвращая дому прочность, Анна учится отличать страх от фактов, слушать, не присваивая чужую боль, и не спасать тех, кто не просил. Прошлое нельзя просто замазать, но и раскрывать его любой ценой нельзя. Иногда честнее оставить решение тем, кому с ним жить.

«Всё, что шепчут стены» — атмосферная семейная мистика о памяти, молчании и границах. Для любителей тайн старых домов и непростых семейных историй. Роман напомним: можно беречь прошлое и жить дальше, не требуя от каждой тайны окончательного ответа.

Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image -
Лицензия

Содержание

Дом, который нельзя было просто починить	5
Первый голос под штукатуркой	18
Люди, оставшиеся в известке	28
Комната, которой нет на плане	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Алексей Тихий

Всё, что шепчут стены

Всё, что шепчут стены

Алексей Тихий

Дом, который нельзя было просто починить

Колёса машины прошли по луже, и вода веером ударила по воротам. Анна Левина заглушила двигатель, но ещё несколько секунд сидела неподвижно, глядя на дом через мокрое стекло.

Он стоял на окраине города, за заросшей сиренью и покосившимся забором. Два этажа, узкие окна, тяжёлая крыша. Осенний дождь стекал по фасаду неровными дорожками, задерживался в трещинах и темнил кирпич, будто дом вспотел от долгого ожидания.

Анна подняла воротник куртки, взяла кейс с инструментами и вышла.

Заброшенный вид не произвёл на неё особенного впечатления. Впечатление вообще было ненадёжным материалом: оно появлялось раньше фактов, а потом норовило ими притвориться. Анна привыкла начинать с другого. Смотрела на цоколь, углы, водостоки, на то, как стены встречаются с землёй. Отмечала, куда уходит вода и где задерживается. Дом можно было назвать мрачным, неприветливым, даже пугающим. Но сначала следовало понять, что именно с ним происходит.

На крыльце уже ждал мужчина в тёмном пальто. Он дер-

жал зонт, хотя дождь почти закончился.

— Анна Левина? Павел Воронцов.

Он пожал ей руку быстро и сухо.

— Спасибо, что приехали. Дом нужно привести в порядок к продаже. Без капитального размаха, конечно. Укрепить, где надо, освежить стены. Чтобы выглядел прилично и не отпугивал покупателей.

— Сначала нужно понять, что именно укреплять.

— Разумеется. Для этого вы и здесь.

Он произнёс это так, будто вежливость была пунктом договора, а не предложением к разговору.

Анна посмотрела на фасад. Над правым окном тянулась тонкая диагональная трещина. Водосточная труба у угла была разъединена, и вода, вероятно, много лет стекала прямо по кладке. На отмостке темнело пятно.

— Кто-нибудь живёт здесь сейчас?

— Нет.

— Когда дом опустел?

Павел чуть помедлил, доставая ключи.

— Несколько лет назад. Точнее не скажу. Я бы предпочёл не углубляться в историю семьи. Мне важен результат.

— История иногда помогает понять повреждения.

— Тогда пользуйтесь документами. План у меня есть. А расспросы о прежних жильцах ни к чему.

Он отпер дверь. Та поддалась не сразу, затем скрипнула, впуская их в тёмный коридор.

Внутри пахло сырой древесиной, пылью и чем-то сладковатым, как у старой ткани, слишком долго пролежавшей в закрытом шкафу. Павел включил свет. Лампочка под потолком мигнула, загорелась и снова погасла.

— Проводка в порядке, — сказал он после короткой паузы. — Просто давно не включали.

Анна поставила кейс на пол и сняла перчатки.

— Я отмечу всё, что вижу. Если обнаружится что-то, что нельзя оценить без вскрытия, сначала согласую с вами.

— Конечно. Только не хотелось бы превращать осмотр в археологические раскопки.

— Я не буду ничего вскрывать без разрешения.

Павел кивнул и отступил к двери, словно его присутствие уже исчерпало необходимую часть работы.

Анна достала блокнот, рулетку, небольшой уровень и планшет с планом. На первом листе написала дату, адрес и условия осмотра: пасмурно, после дождя, температура около девяти градусов. Затем добавила: «Наружные поверхности влажные. Внутренние помещения не отапливаются».

Такие записи казались мелочами только тем, кто надеялся, что вещи существуют отдельно от обстоятельств.

— Начнём с первого этажа, — сказала она.

Павел пошёл следом.

В прихожей одна стена была обтянута бледными обоями с мелким цветочным узором. По нижнему краю рисунок почти исчез, а возле плинтуса вздулся пузырь. На противополо-

ложной стене штукатурка была гладкой и свежей на вид, но цвет у неё отличался от остальных поверхностей.

Анна провела ладонью рядом, не касаясь стены.

— Здесь ремонтировали.

— Наверное. Давно.

— Кто именно?

— Не знаю. Отец занимался такими вещами.

— Ваш отец?

— Да.

Павел ответил без выражения и посмотрел на часы.

Анна отметила участок на плане голубым карандашом: «Возможная замена штукатурного слоя. Дата неизвестна». Ниже добавила отдельную строку: «Ощущение: в прихожей прохладнее, чем у входа». Ей показалось, что это нелепо — записывать ощущение в рабочий журнал. Но в старых зданиях тело часто замечало то, чему глаза ещё не нашли названия.

План дома был простым: прихожая, кухня, гостиная, лестница, две комнаты наверху. На бумаге стены выглядели ясными линиями. В действительности каждая скрывала своё прошлое — краску под обоями, штукатурку под краской, прежние гвозди и следы от полок, которые уже никто не помнил.

На кухне Анна обнаружила три слоя отделки. Верхние обои отходили возле окна; под ними проступал зелёный цвет, ниже — мутно-жёлтый. Между слоями лежали засох-

шие капли клея.

— Это всё собираетесь снимать? — спросил Павел.

— Не обязательно. Сначала нужно понять, держится ли нижняя штукатурка. Иногда лучше сохранить то, что сохранилось, чем заменить это новой ровной поверхностью.

— Покупатели любят новое.

— Покупатели любят, когда ничего не осыпается.

Воронцов усмехнулся, но не ответил.

На кухонном окне дуло. Анна ощутила холод на щеке и провела тонкой полоской бумаги вдоль рамы. Бумага чуть дрогнула у нижнего угла.

— Сквозняк, — сказал Павел.

— Здесь — да.

— А что ещё может быть?

— Пока рано решать.

Она отметила оконный шов на плане и занесла в журнал две разные записи: «Бумажная полоска отклоняется внутрь у нижнего угла рамы» и «Вероятная причина — неплотное примыкание». Факт и предположение лежали рядом, но не смешивались.

У лестницы Анна задержалась. Ступени были затёрты посередине. Перила слегка шатались. На стене рядом с площадкой обои обрывались прямой вертикальной полосой, будто когда-то здесь висел шкаф или стояла высокая мебель.

— Тут дети росли? — спросила она, заметив у дверного косяка короткие карандашные черты.

Павел взглянул туда, куда она указала.

На светлой полосе, проступавшей сквозь краску, были отметки роста. Даты потускнели, но ещё читались: «72», «74», потом цифра, похожая на «77». Рядом мелким почерком было написано имя: Лена.

— Не знаю, — сказал Павел.

— Вы ведь здесь бывали в детстве?

— Конечно. Но не постоянно.

— И Лена?

— Не помню никакой Лены.

Он отвернулся и поднялся на первую ступеньку.

Анна не стала уточнять. Она сфотографировала косяк, приложив к нему шкалу, и занесла отметки в план как исторический элемент, подлежащий сохранению. В графе «Ощущение» написала: «Лестница кажется уже, чем на плане». Потом посмотрела на фразу и поморщилась. Лестница не могла быть уже, чем на плане. Скорее, дом заставлял её подниматься медленнее.

— Отметки не трогайте, — сказал Павел сверху. — Но если мешают, их можно снять.

— Они не мешают.

— Это всего лишь карандаш.

Анна посмотрела на имя.

— Для кого-то это было важно.

На втором этаже запах сырости был сильнее. Комната с окном в сад оказалась почти пустой: деревянный стул, рас-

колотый комод, свернутый ковёр. На стенах проступали прямоугольные пятна от рам. Над плинтусом тянулась тонкая волна, похожая на след давней протечки.

— Здесь отец держал книги, — сказал Павел. — Кажется.

— В этой комнате?

— Наверное. Хотя, возможно, в соседней.

Он произнёс это без раздражения, но в голосе впервые появилась неуверенность.

Анна осмотрела углы. В одном месте штукатурка отличалась по зерну и оттенку, в другом краска была нанесена поверх старых обоев. Над окном трещин не было. Она проверила уровень, сделала фотографии, поставила на плане несколько знаков.

Соседняя комната была меньше. На плане её стены сходились под прямым углом, однако одна поверхность выглядела подозрительно ровной и гладкой. Не просто недавно покрашенной: она отличалась от остальных стен так, будто за ней скрывалось пространство. Ширина участка была чуть больше метра. По краям проступали две тонкие вертикальные линии, а снизу штукатурка образовывала едва заметный выступ.

Анна измерила участок. Потом сверилась с планом. Никакого дверного проёма там не значилось.

— Что здесь было? — спросила она.

Павел остановился в дверях.

— Стена.

— Я спрашиваю, что было раньше.

— Всегда стена.

— Вы уверены?

— Да.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Анна приложила ладонь к гладкому участку. Поверхность была прохладной, как и вся комната. Она постучала костяшками пальцев: короткий глухой звук. На соседней стене он был другим — плотнее, ниже. Изменение могло объясняться разной толщиной штукатурки, пустотой за слоем, старым ремонтом. Могло быть несколько причин сразу.

— Под этой поверхностью может оказаться заложенный проём, — сказала она. — Или просто другой материал. Я не могу сказать, пока не проверю документацию и не получу разрешение на обследование.

— Никаких проёмов там нет.

— Тогда проверка это подтвердит.

Павел пожал плечами.

— Я же просил не превращать всё в расследование.

Анна убрала руку.

— Я не расследую. Я не хочу закрыть повреждённый участок новым слоем, если не понимаю, что под ним.

— Вы художник-реставратор?

— По образованию и по привычке.

— Тогда сохраните что-нибудь красивое. А остальное приведите в порядок.

Он произнёс «в порядок» с таким облегчением, будто этими словами можно было закончить не только ремонт.

Когда Павел вышел на крыльцо ответить на звонок, Анна осталась одна. В доме стало тише, но не пусто. Где-то в глубине коротко щёлкнула древесина. Потом раздался мягкий шорох, похожий на бумагу, проведённую по столу.

Анна прислушалась.

Тишина.

Она посмотрела на потолок. На старых этажах звук мог идти по балкам, трубам, лестничной шахте. Усадка, сквозняк, остывающий дом. Усталость после дороги. Список объяснений был длиннее любого ответа, если не торопиться выбрать из него самый впечатляющий.

Она опустила на корточки и разложила на полу план, фотографии и блокнот. Рабочую карту составила в три цвета. Красным отметила повреждения, которые требовали внимания. Голубым — прежние ремонты и участки с возможной сыростью. Жёлтым — места, которые нельзя было трогать без согласования: карандашные отметки роста, ровную стену наверху, старую обшивку на лестничной площадке.

Рядом с каждым знаком появлялась короткая запись. Не «плохая стена», а «вертикальная трещина у оконного угла, ширина менее миллиметра». Не «тайная дверь», а «участок штукатурки с отличающимся звуком при простукивании; возможная полость, требуется уточнение». Не «в комнате неуютно», а «помещение воспринимается холодным,

хотя окно закрыто».

Она заметила, что последняя запись важнее, чем кажется. Не потому, что ощущение было доказательством. Оно им не было. Но если его отбросить, можно не заметить, что именно заставило её остановиться, прислушаться, проверить окно.

Анна всегда предпочитала практические решения. Когда умерла мать, она заказала цветы, обзвонила родственников, разобрала документы и отнесла пальто в благотворительный магазин. Всё, что можно было сделать, было сделано. Разговоры о детстве мать не любила, а Анна не умела спрашивать. Теперь у неё в телефоне лежало одно старое голосовое сообщение, которое она всё собиралась прослушать, но каждый раз находила дело поважнее.

С делами было легче. У дел имелись сроки, стоимость и понятный результат.

Она перевернула страницу журнала и написала: «Условия осмотра: дом не отапливается; снаружи сыро; оконные рамы требуют проверки. Отдельно: ощущения не считать фактами, но фиксировать».

Последняя фраза показалась ей странной. Она зачеркнула слово «отдельно», но не стала вычёркивать всю запись.

Павел вернулся в комнату.

— Что вы думаете?

— Думаю, что часть повреждений связана с влагой. Есть следы прежних ремонтов. До сметы нужно проверить водостоки, оконные примыкания и состояние штукатурки в двух

комнатах. А этот участок я бы пока оставила открытым для осмотра.

— Там ничего нет.

— Тогда ничего и не изменится после проверки.

Он посмотрел на ровный прямоугольник стены.

— Моя мать говорила, что наверху всегда была кладовая.

Отец утверждал, что эту комнату разделили ещё до его рождения. Я не знаю, кто из них прав.

Анна подняла глаза.

— А вы говорили, что всегда была стена.

— Я был ребёнком. Я помню стену.

В коридоре что-то тихо ударило. Павел повернул голову.

— Трубы, наверное.

— Здесь нет труб.

— Тогда доски.

Он не выглядел испуганным. Скорее раздражённым тем, что дом нарушил разговор, которого он не хотел вести.

Анна посмотрела на часы: прошло почти пятьдесят минут с тех пор, как она осматривала гладкий участок. Тогда на нём не было ни одной видимой трещины. Она помнила это точно: приложила линейку к двум вертикальным краям, сфотографировала поверхность, записала длину и ширину участка. На снимке линия краски была ровной.

Теперь от верхнего угла тянулась тонкая тёмная черта. Она уходила вниз по диагонали, не доходя до середины стены.

Анна подошла ближе.

— Вы её трогали? — спросил Павел.

— Нет.

Она не коснулась штукатурки. Сначала сделала фотографию, затем измерила трещину по шкале: восемь сантиметров. Край был светлым, словно повреждение возникло недавно. Или его прежде скрывала тень. Или она не заметила линию во время первого осмотра, хотя осмотрела участок внимательно.

В журнале Анна записала: «11:17. На гладкой поверхности стены, осмотренной около часа назад, обнаружена диагональная трещина длиной около восьми сантиметров. При первом осмотре на фотографии не фиксируется. Причина неизвестна».

Она замерла, потом добавила ниже: «Ощущение: словно участок стал заметнее после того, как его назвали стеной».

— Что вы записали? — спросил Павел.

— То, что вижу. И отдельно то, что предполагаю.

— И что вы предполагаете?

Анна посмотрела на тонкую линию. Она могла быть следствием усадки. Могла скрываться под блеском старой краски. Дом не был обязан сообщать о своих повреждениях сразу, как и человек не обязан замечать их в тот момент, когда они появляются.

— Пока ничего, — сказала она. — Сначала я зафиксирую состояние. Потом решим, что менять.

Павел отвернулся к окну. Анна оставила стену нетронутой и положила фотографию рядом с картой.

В журнале теперь было три колонки: увиденное, услышанное, предполагаемое. Между ними оставалось место для того, чего она пока не умела назвать.

Первый голос под штукатуркой

Утром Анна вернулась к стене с раскрытым журналом в одной руке и фонарём в другой.

В комнате было холоднее, чем накануне. Ночной ветер пробрался сквозь неплотную раму, и запах мокрого камня смешался с запахом золы из давно потухшего камина. Анна поставила сумку на пол, отметила время и температуру, потом подошла к участку, где появилась тонкая линия.

Она не коснулась стены.

Сначала сняла общий план, потом крупно — трещину, приложив к ней для масштаба линейку. На экране телефона линия выглядела слабее, чем вживую. Анна проверила настройки камеры, сделала ещё два снимка с разных углов. Результат почти не изменился. Ни вспышка, ни боковой свет не объясняли, почему накануне трещина казалась заметнее.

Она записала это в журнал.

«8:42. Восточная стена. Сухо. Температура в помещении — 15 градусов. Трещина видна при боковом освещении. На снимках выражена слабее».

Потом включила аудиозапись. Это входило в обычный порядок: при работе в старом доме полезно фиксировать не только видимые, но и слышимые изменения. Треск, глухой звук, движение воздуха — всё могло оказаться важным. Телефон она положила на широкий подоконник и, взяв тонкий

шуп, направилась к стене.

До неё оставалось два шага, когда из-за штукатурки прозвучал женский голос:

— Не зашивай окно.

Анна остановилась.

Фраза была короткой, негромкой и совершенно ясной. Не шорох, похожий на слово, не обман слуха, из которого после долгих размышлений можно собрать что угодно. Кто-то произнёс именно эти четыре слова. Голос звучал так, будто говорившая находилась по другую сторону стены и наклонилась к самой тонкой её части.

Анна резко обернулась.

Пустой дверной проём. Стул, накрытый тканью. Коробка с образцами краски. Светлое окно с потемневшей рамой. Никого.

Она быстро вышла в коридор, посмотрела вверх по лестнице, заглянула в соседнюю комнату. Двери стояли на прежних местах. Дом молчал.

Анна вернулась к подоконнику и выключила запись. Её пальцы двигались аккуратно, словно именно аккуратность могла удержать мир в привычных границах.

На экране светилось время: 9:07.

Она не произнесла услышанное вслух. Пока не произнесла. Вместо этого сняла на телефон общий вид комнаты и сняла показания термометра. Потом проверила окно. Рама была холодной на ощупь, но закрытой; защёлка держала. Сквоз-

няк тянул от нижнего угла, однако не настолько, чтобы свистеть или складываться в слова. Анна прижала ладонь к щели, затем к вентиляционной решётке над дверью. Воздух двигался слабо, ровно. Ни гула, ни резкого перепада давления.

Она обошла комнату, прислушиваясь. Снаружи проехала машина. Где-то в глубине дома стукнуло дерево. На втором этаже скрипнула половица, хотя Анна стояла одна.

Она проверила телефон: запись шла с 8:42. Поставила на воспроизведение.

Сначала услышала шорох собственной куртки, потом слабый скрип пола. На девятой минуте прозвучал короткий сухой звук, словно ногтем провели по бумаге. Дальше — тишина, гул улицы, её дыхание. Ни голоса, ни слов.

Анна прослушала этот отрывок ещё раз. И ещё. На третьем повторе сухой звук начал напоминать согласный, но она заставила себя не достраивать его до фразы. Запись не подтверждала услышанного. Но и не отменяла.

Она остановила воспроизведение.

В голове уже возникали готовые объяснения: недосып, утреннее напряжение, акустика, трубы, чужой голос с улицы, звук, который мозг превратил в слова. Каждое из них могло оказаться верным. Ни одно пока не было фактом.

Анна открыла журнал и на чистой странице провела три колонки: «Увиденное», «Услышанное», «Предполагаемое».

В первую записала время на экране телефона и положение

в комнате. Во вторую — точную фразу: «Не зашивай окно». Ни одного слова больше. В третью внесла возможные источники: вентиляция, улица, усталость, акустический эффект, скрытое пространство за стеной. Рядом оставила место для проверки.

Потом снова посмотрела на трещину.

Она находилась чуть левее того участка, который вчера показался гулким при простукивании. Не над трубой — труб здесь не было. Не рядом с вентиляцией. Под тонкой линией штукатурка отдавала пустым звуком на участке размером примерно с раскрытую ладонь.

Анна взяла деревянную рукоятку шпателя и легко постучала по соседней части стены. Звук получился плотный, глухой. Чуть левее — другой: короткий, более пустой. Она сместилась на полшага. Пустота будто уходила за край трещины.

— Не зашивай окно, — повторила она почти беззвучно.

Слова прозвучали не как приказ, а как просьба, которую слишком долго откладывали.

Анна тотчас отступила от этой мысли. Просьба предполагала того, кто просит. Она пока знала только, что слышала голос. Остальное оставалось предположением.

Она достала узкий скальпель, маленькую кисть и мягкий молоток. Работать предстояло осторожно: не раскрывать большой участок, а снять только верхний слой штукатурки там, где звук менялся. Перед началом Анна сфотографировала инструменты и участок. Потом отметила мелом грани-

цы, не касаясь самой трещины.

Первые движения были почти бесшумными. Край скальпеля отделял тонкую крошку, кисть смахивала пыль. Скоро она почувствовала её на языке — сухую, горьковатую, с привкусом старой извести. Штукатурка отслаивалась неравномерно: местами держалась крепко, местами отходила тонкими чешуйками.

Анна работала медленно, прислушиваясь не к стене одной, а ко всему помещению. Каждый звук теперь казался значительнее, чем прежде. Скрип рукоятки в пальцах. Шорох щетины по известке. Удар мягкого молотка, после которого пыль мелко осела на подоконник.

Когда она открыла участок шириной в ладонь, под штукатуркой показалась тёмная плоскость. Не дерево и не пуста — кирпич. Красноватый, почти чёрный от времени, с известковым швом, который уходил под следующий слой.

Анна остановилась. Поднесла фонарь.

Кирпичи лежали не ровными рядами. Один край поднимался под углом, другой прятался под гладким слоем штукатурки. Она провела кистью по поверхности, не надавливая. Из темноты проступила линия, похожая на изгиб.

Телефон на подоконнике коротко завибрировал. Звонил Павел.

— Вы уже начали? — спросил он вместо приветствия.

— Да. Снимаю только верхний слой на участке с пустым звуком.

— Отлично. Тогда продолжайте. Нам нужно закончить эту стену до конца недели.

Анна посмотрела на кирпич.

— Под штукатуркой, кажется, проём.

На другом конце повисла пауза.

— Какой ещё проём?

— Пока не знаю. В кладке виден изгиб. Возможно, заложённое окно.

— Не надо фантазировать. Это старая кладка. Стена ремонтировалась много раз. Снимите непрочную штукатурку, выровняйте и зашивайте.

Анна почувствовала, как привычное желание согласиться возникает быстрее, чем мысль. Павел платил за работу, он отвечал за объект, у него были сроки. Ей хотелось сказать: «Хорошо, сделаю». Так было бы проще. Так можно было бы закончить начатое и не объяснять, почему одно услышанное предложение остановило её руку.

Но перед ней был участок, который никто ещё не описал. И слово «старая» ничего не объясняло. Оно только подменяло вопрос ответом.

— Я не буду закрывать его сегодня, — сказала Анна.

— Почему?

— Потому что пока не понимаю, что именно нашла.

— Вы реставратор, а не археолог. Если там кирпич, это старая кладка.

— Возможно. Но изгиб похож на край арки. Я не хочу

скрыть его, пока не зафиксирую и не проверю планы.

— Анна, заказ — восстановить стену, а не искать секреты дома.

Она промолчала. Секреты — тоже было слово, которое слишком рано превращало неизвестное в историю.

— Я могу продолжить на соседнем участке, — сказала она. — Здесь остановлюсь и запрошу архивные чертежи. Если это просто закладка, мы подтвердим это и решим, как поступить дальше.

— А если никаких чертежей нет?

— Тогда будем работать с тем, что есть. Но сначала я хочу понять, что именно.

Павел шумно выдохнул.

— Не превращайте каждую трещину в семейную драму.

Анна посмотрела на тонкую линию, которую вчера записала отдельно от своих догадок.

— Я как раз стараюсь этого не делать.

Павел не ответил сразу. Потом сказал, что пришлёт контакт архивиста, но сроков не обещает. Разговор закончился коротким прощанием.

Анна положила телефон экраном вверх и несколько секунд смотрела на него. Ей не стало легче. Отказ не был красивым поступком и не сопровождался внезапной уверенностью. Она просто выбрала не закрывать то, чего ещё не поняла.

В журнале появилась новая запись: «9:24. При пробном

снятии штукатурки обнаружен кирпич. Кладка уходит под верхний слой. На телефоне во время работы фраза не различима. Павел считает участок старой кладкой. Работы на месте приостановлены до проверки архивных планов».

Она перечитала запись. В ней не было ни «дом сказал», ни «голос предупредил». Только то, что она могла подтвердить, и то, что пока оставалось открытым.

Потом Анна снова взялась за кисть. Не для того, чтобы продолжить вскрытие, а чтобы очистить уже обнажённый край. Пыль легко отходила от кирпича. Под ней обнаружился ещё один изгиб, уходящий вверх и вправо. Анна перестала двигать кистью.

Кирпичи складывались в подобие арки.

Она проверила линию фонарём и отметила её на фотографии. Арка была частично скрыта штукатуркой, частично — поздней кладкой, которая заполняла пространство внутри. Это мог быть заложённый проём. Окно, дверь, ниша. Пока названия не имели значения: форма была настоящей, её можно было измерить и показать.

Анна сняла размеры, положив линейку рядом, но не на кирпич. Сделала несколько снимков под косым светом. Затем обвела обнаруженный участок малярной лентой и прикрепила к краю записку: «Не закрывать. До обследования».

Открытая полоса стены была небольшой — чуть шире двух ладоней. Но комната из-за неё изменилась. Теперь в ней появилось место, которое нельзя было принять за ров-

ную поверхность и забыть. Не потому, что оно непременно хранило чью-то тайну. Потому что в нём обнаружилась форма, возникшая раньше нынешней отделки и пережившая несколько попыток её скрыть.

Анна собрала инструменты, оставив кирпич открытым. Остатки штукатурки она убрала в отдельный пакет, подписав дату и место. Крошки под подоконником не стала сразу сметать: сначала сфотографировала, чтобы не потерять возможные следы слоёв.

У двери она задержалась и оглянулась.

Тишина снова была обычной. В ней слышались улица, слабое дыхание дома, лёгкий звон остывающей батареи в соседней комнате. Анна не ждала, что голос повторится. Не просила его вернуться. Она знала лишь, что утром услышала фразу, проверила возможные источники и не нашла объяснения, которому могла бы доверять. А потом под штукатуркой обнаружилась арка.

Совпадение ли это? Связь? Искажение памяти, которое уже незаметно подменяет порядок событий? Анна не могла ответить. Но ей больше не нужно было немедленно выбирать между насмешкой над собой и верой в услышанное.

Она закрыла журнал, оставив последнюю страницу раскрытой. В колонке «Предполагаемое» всё ещё было пустое место. Теперь оно казалось не недостатком, а рабочим пространством.

Иногда, чтобы понять, что действительно требует пере-

мен, нужно не спешить исправлять то, что пока только кажется неправильным. Анна впервые остановилась не потому, что испугалась неизвестности, а потому, что дала ей время стать видимой.

Люди, оставшиеся в известке

Утром Анна перечитала вчерашнюю запись, прежде чем коснуться стены.

«Арка открыта. Источник голоса не установлен. Возможные объяснения не проверены до конца».

Последняя фраза раздражала своей сухостью и одновременно удерживала от поспешности. Анна закрыла журнал, положила в сумку карандаш, рулетку и папку с копиями планов. Если за штукатуркой действительно скрывалась история, начинать следовало не с догадок, а с адреса.

— В архив? — спросил Павел, заметив папку.

— Если у дома были жильцы, где-нибудь должны остаться их имена.

Он взглянул на раскрытый проём. Внутри арки темнел слой старой краски, а возле пола белела известковая пыль.

— Имена — да, — сказал он. — Только не всегда ответы.

В городском архиве пахло мокрыми пальто, картоном и старой бумагой. В читальном зале часы шли так громко, будто каждую минуту требовалось отдельно заверить. Архивистка в сером жилете просмотрела запрос Анны и уточнила прежний номер дома. Улица успела дважды сменить название, а сам дом в документах значился то под номером четырнадцать, то под номером восемнадцать.

— Нумерацию меняли после переустройства квартала, —

пояснила архивистка. — Поэтому смотрите не только адрес. Сверяйте фамилии соседей, владельцев, даже отметки о печах. И не удивляйтесь, если в одном деле год будет один, а в другом другой.

Она сказала это без драматизма, как предупреждают о сквозняке возле окна.

Анна заказала домовую карточку, книгу регистрации жильцов и папку с планами переустройства. Пока документы готовили, она разложила на столе собственные записи. В графе «Предполагаемое» по-прежнему оставалось пусто. Теперь это было не смущающее белое пятно, а место, куда нельзя было вписать больше, чем позволяли сведения.

Первой принесли карточку с потрескавшимися углами. На ней чернилами было выведено: «Дом Лавровых, двор с колодцем». Ниже шли фамилии: хозяин, его жена, две дочери, приказчик, кухарка. На обороте другим почерком перечислялись жильцы, занявшие комнаты спустя годы. Семьи сменяли друг друга, как слои краски: одна фамилия вычеркнута, следующая вписана тесно в оставшееся место.

В списке за тысяча девятьсот двенадцатый год Анна нашла Семёновых. Матвей, его жена Дарья, дочь Лидия. В соседней колонке значилось: «занятие — швея». Возле имени Лидии стояла маленькая приписка, которую Анна сначала приняла за кляксу: «на дому».

— Вот она, — тихо сказал Павел.

Он стоял рядом, наклонившись над страницей, но не ка-

саясь её.

— Ты её знал?

— Нет. Это ещё до моей бабушки.

— А рассказывали о ней?

Павел выпрямился.

— В семье говорили, что она была неудобной.

Он произнёс это так, будто повторял слово, услышанное давным-давно и никогда толком не понятое.

— Неудобной кому?

— Не знаю. Бабушка так говорила. Если я спрашивал, она отвечала: «Не начинай». Потом разговор менялся.

Анна посмотрела на него, но не стала вытягивать объяснение. В этой короткой фразе уже было больше, чем в аккуратной легенде: слово, которое передавали, и пустота вокруг него, которую никто не спешил заполнять.

В папке с городскими документами нашлась газетная вырезка. Короткая заметка сообщала, что жильцы дома на Старом переулке собрали деньги на ремонт водостока. Среди подписавшихся значилась «Л. Семёнова». Рядом с её фамилией стояла пометка: «получено лично». Анна невольно представила Лидию не как силуэт в полумраке, а как женщину, которая считала сдачу, следила за протекающей трубой, отвечала за собственную долю расходов. У заметки не было ни тайны, ни красоты, но она возвращала ей обычный вес жизни.

В другом документе значилось, что Лидия работала на до-

му, брала заказы на починку белья и верхней одежды. Указан был даже адрес мастерской, куда относили готовые вещи. Анна записала: «работала швейей; часть заказов выполняла дома». Потом добавила: «Из этого не следует, что шила для семьи». Ей хотелось связать каждую нитку в красивый узор, и именно поэтому приходилось удерживать руку.

План переустройства оказался сложен вчетверо. На чертеже комнаты были обозначены буквами, проходы — тонкими линиями, а арка у задней стены помечена красным карандашом. На полях стояло: «Проём заложить. Перенести кладовую». Дата на самом плане — тысяча девятьсот двадцать шестой год. На штампе о приёме в архив — тысяча девятьсот двадцать седьмой.

— Это означает, что работу сделали в двадцать шестом? — спросил Павел.

Архивистка, заглянувшая проверить состояние листа, покачала головой.

— Означает только, что план датирован двадцать шестым, а зарегистрирован годом позже. Про исполнение здесь ничего не сказано. Для этого нужен акт работ или смета с отметкой об окончании.

Анна записала её слова почти дословно.

Следующим принесли книгу регистрации рождений. Страница была испещрена ровными строчками, но один участок выглядел так, словно его переписывали наспех. В записи о сыне Лидии Семёновой дата рождения значилась как

девятое января тысяча девятьсот двадцать четвёртого. В домовоей книге напротив имени ребёнка стояло: «прибыл с матерью, февраль 1925 года». Имя мальчика было Миша, полное — Михаил. Отца в одной записи не указывали. В другой графа оставалась пустой.

— Значит, он родился в двадцать четвёртом, а в дом попал в двадцать пятом, — сказал Павел.

— Возможно, — ответила Анна. — Но мы не знаем, почему. Перепутали дату? Записали позже? Или в домовоей книге имели в виду не рождение, а заселение?

— А если Лидия уехала?

Анна посмотрела на следующую страницу. В марте тысяча девятьсот двадцать пятого года фамилия Семёновой была перечёркнута одной чертой. Рядом стояло: «выбыла». Место назначения не указали.

— Тогда это всё равно не говорит, куда она уехала и почему.

Павел помолчал.

— В семье её больше не упоминали. То есть упоминали, но как будто извиняясь за то, что упомянули. «Неудобная Лидия». Так.

И снова — слово без объяснения. Анна почувствовала соблазн принять его за ключ, который открывает всё сразу. Но ключа не было. Было слово, произнесённое поколениями, и несколько документов, в которых женщина появлялась, а потом исчезала из строки.

На выходе из читального зала Павел достал из внутреннего кармана сложенный конверт.

— Я не думал, что это пригодится. Бабушка отдала мне фотографию лет десять назад. Сказала, что её нельзя выбрасывать.

На снимке стояла молодая женщина в тёмном платье. Одной рукой она придерживала ребёнка на коленях, другой держала тканевый свёрток. За её спиной виднелся угол комнаты: полосатая занавеска, стол с ножками на колёсиках, дверной проём, обведённый тенью. Край фотографии был неровно обрезан. От человека, который стоял слева, осталась только часть рукава и мужская ладонь на спинке стула.

— Это Лидия? — спросила Анна.

— Бабушка говорила, что да. Ребёнок, вероятно, Миша.

— Вероятно?

— На обороте написано «Лида с Мишей». А кто фотографировал, неизвестно.

Почерк был лёгкий, почти детский. Подпись не датировалась. Анна не стала рассматривать обрезанный край как доказательство намеренного исключения. Его могли обрезать из-за повреждения, ради рамки, из-за пятна. Но ладонь на спинке стула уже заставила её задуматься о человеке, которого не было видно.

Она сфотографировала снимок с разрешения Павла и вернула его в конверт.

— Мы не знаем, кто оказался за краем, — сказала она.

— Зато точно знаем, что там кто-то был.

— Да. Это уже немало.

В мастерскую они вернулись к вечеру. Павел уехал за инструментами, а Анна разложила на столе копии документов и открыла журнал. Для каждого источника она отвела отдельную колонку.

Архивный документ. Известно: Лидия Семёнова жила в доме; работала швеёй; у неё был сын Михаил. **Спорно:** год рождения ребёнка, дата отъезда, исполнение плана переустройства. **Нельзя утверждать:** почему Лидия выбыла из домовоей книги.

Семейный рассказ. Известно: в семье её называли «неудобной»; фотографию хранила бабушка Павла. **Спорно:** действительно ли на снимке Лидия с Мишей. **Нельзя утверждать:** что означало это семейное слово.

Материальный след. Известно: арка находится в задней стене. **Спорно:** когда её заложили. **Нельзя утверждать:** что отметка на плане описывает завершённую работу.

Анна поставила точку и перечитала записи. Они не складывались в историю. Скорее, каждая удерживала её от истории, которую так легко было выдумать.

И всё же дом, казалось, продолжал отвечать. Когда Павел вернулся, они проверили полость за аркой и простучали стену рядом. За ней не обнаружилось очевидного пустого пространства, только звук местами становился глуше. Ан-

на внесла это в журнал: «Разница в звучании. Требуется повторная проверка». Она уже научилась не превращать каждый необычный отклик в приглашение.

Павел измерял ширину проёма, когда Анна слышала голос.

Не шорох и не скрип. Слова, негромкие, словно произнесённые из соседней комнаты:

— Не вычёркивай его.

Она замерла. Павел продолжал смотреть на рулетку.

— Ты что-то сказал?

— Нет. А ты?

Анна не ответила сразу. Она прислушалась к лестнице, к улице за окном, к трубе отопления. Дом щёлкнул где-то в перекрытии. Ветер тронул незакреплённую оконную раму.

Она достала журнал и записала фразу, время, место, кто находился рядом. Потом отметила: «Павел не слышал. Источник не установлен». Под записью рука сама вывела имя Михаил, но Анна перечеркнула его — не потому, что имя было неверным, а потому, что голос не назвал его.

— Я слышала одну фразу, — сказала она. — Это не значит, что я знаю, кому она принадлежит.

Павел посмотрел на неё внимательно.

— А если принадлежит?

— Тогда у нас всё равно пока нет права говорить за того, кто её произнёс.

Она сказала это и поняла, что относится к живым не мень-

ше, чем к мёртвым. Чужая боль не становилась её собственностью оттого, что была спрятана за слоем известки. И даже желание помочь могло стать способом присвоить чужую жизнь, если подменить вопросы уверенными ответами.

Павел принёс мягкую кисть и распылитель. Они условились очистить только нижний участок стены рядом с аркой, не трогая крупный пласт штукатурки. Анна работала медленно, снимая пыль тонкими слоями. У основания проступила тёмная линия, затем ещё одна, короткая и наклонная. Она сменила кисть на более мягкую. Белая поверхность осыпалась мелкими крупинками.

Показалась округлость с лучами. Потом к ней добавились три неровные фигуры: одна высокая, одна поменьше и третья, совсем маленькая. Рядом тянулась линия, похожая то ли на дверь, то ли на длинный стол. Рисунок был сделан детской рукой, углём или мягким карандашом, а поверх него позднее легли несколько слоёв извести.

Павел присел возле стены.

— Это мог быть Миша.

— Мог быть, — сказала Анна.

Она не стала касаться рисунка. В углу проступили цифры: сначала Анне показалось, что там только две, но при боковом свете обозначился ещё один штрих.

«1928».

Анна выпрямилась и посмотрела на копию плана, лежавшую на столе. В тысяча девятьсот двадцать шестом году ар-

ку предписывали заложить. В домовоей книге Лидия выбывала в тысяча девятьсот двадцать пятом. Рождение Михаила указывалось то в тысяча девятьсот двадцать четвёртом, то в записях о появлении в доме — в тысяча девятьсот двадцать пятом. А на стене под известкой кто-то написал: «1928».

— Если дата настоящая, — начал Павел.

— Мы пока не знаем, настоящая ли она, — остановила его Анна. — И не знаем, кто её написал. Или относится ли она к самому рисунку.

Она внесла находку в журнал: «Детский рисунок. Рядом цифры, читаемые как 1928. Связь рисунка с Михаилом не установлена. Дата требует проверки». Затем отступила на шаг и оставила кисть на столе.

В стене оставалось больше белого, чем открытого. Анна не стала снимать следующий слой. Впервые осторожность не казалась ей отказом от ответа. Это было признание: ответ пока не принадлежит ей.

Комната, которой нет на плане

Утром кисть всё ещё лежала на столе. Анна не стала её убирать. Она разложила рядом планы дома, обмерный лист и журнал реставрации, открыв страницу с детским рисунком. Цифры «1928» смотрели на неё с полей, но она перевела взгляд на стену.

— Если арку предписывали заложить, — сказал Павел, заглянув в комнату, — значит, её заложили. Обычная работа. Никакой комнаты там быть не должно.

— Это две разные вещи, — ответила Анна. — Арку могли заложить. А пространство за ней могло остаться.

— Могло. Могло и не остаться.

— Поэтому мы проверим.

Она не взяла кисть. Вместо неё подняла рулетку.

Архивный план был начерчен от руки, с поправками другого почерка и цифрами, которые приходилось сверять по окнам и печным каналам. Анна уже знала: старая бумага не обязана лгать, но и не обязана сообщать всё. Сначала она проверила масштаб по двум дверным проёмам, размеры которых можно было измерить на месте. Расхождения оказались небольшими. Затем они с Павлом прошли комнаты по обе стороны заложённой арки, измеряя расстояния от оконных откосов до стены, от стены до углов, от углов до наружных фасадов.

Павел держал лазерный дальномер и записывал цифры. Анна ставила рядом отметки на плане.

— Здесь должно быть пятьдесят восемь сантиметров, — сказала она, наведя луч на стену.

— Если план верен.

— Да. Если план верен.

Фактическое расстояние от лицевой поверхности стены до совпадающей линии в соседней комнате оказалось почти метр сорок. Анна измерила снова. Потом проверила рулеткой, от другого угла. Получилось чуть меньше, но разница оставалась слишком большой, чтобы объяснить её толщиной штукатурки или случайной неровностью.

Павел потёр подбородок.

— Старые стены часто кривые.

— Часто. Но не на восемьдесят сантиметров в одном и том же месте.

Она не написала в журнале «тайная комната». Написала: «Несоответствие между планом и обмером. Разница в глубине участка стены требует проверки». Потом приложила к записи схему с цифрами.

В полдень они вернулись к заложенной арке. Анна разбила её поверхность мелом на квадраты и простучала каждый деревянной рукояткой инструмента. Не сильно, чтобы не повредить штукатурку. Верх и края отвечали глухо и ровно. У нижнего правого угла звук изменился: стал короче, будто за штукатуркой начиналась другая плоскость.

— Пустота, — сказал Павел.

— Возможно. Или другая кладка. Пока у нас есть только разница в звуке.

Анна повторила простукивание, теперь двигаясь от края к центру. Павел отмечал на бумаге участки, где тон менялся. Получалась неровная полоса, похожая на контур небольшого проёма. Но контур не совпадал с предполагаемой аркой на плане.

У самого пола Анна заметила тонкую тёмную линию. Сначала она приняла её за трещину в краске. Поднесла к ней полоску тонкой бумаги. Бумага едва заметно дрогнула.

— Сквозняк, — сказал Павел.

Анна записала время и место, затем измерила температуру у стены и в центре комнаты. Разница была небольшой, но ощутимой: у щели воздух оказался холоднее. Она не стала расширять её ножом и не попыталась заглянуть внутрь.

— Значит, там воздушный канал, — сказал Павел. — Может, старый вентиляционный ход.

— Может. Проверим вентиляцию, прежде чем решать.

Павел отвернулся к планам. На лице у него появилось выражение, которое Анна видела уже не раз: не раздражение, а усилие удержать разговор в пределах того, что можно было объяснить сметой.

— Это вскрытие задержит работы. Если за стеной ничего нет, мы потеряем день. Если есть, придётся согласовывать обследование, возможно, менять проект.

— Сначала выясним, опасно ли вообще делать пробный участок.

— Отец говорил то же самое.

Анна подняла глаза.

Павел помедлил, будто пожалел, что произнёс это вслух.

— Когда я был маленьким, он запрещал мне задавать вопросы об этой части дома. Просто говорил: не трогай стену и не спрашивай, что за ней. Я решил, что он не хотел, чтобы я лез в старую кладку.

— Ты никогда не спрашивал почему?

— Спрашивал. Он отвечал, что не всё нужно раскапывать.

Он произнёс это спокойно, но слишком точно, словно повторял фразу, которую долго носил при себе.

— Это может быть ответом про безопасность, — сказала Анна. — А может быть не ответом вовсе. Пока мы не знаем.

— Вот именно. Не знаем. Может, лучше оставить всё как есть.

Анна посмотрела на стену. Меловые квадраты придавали ей вид чертежа, нанесённого прямо на штукатурку. Здесь не было загадочного знака или скрытого узора. Только участки с разным звуком, линия прохладного воздуха и измерение, не сходявшееся с планом.

— Оставить как есть тоже решение, — сказала она. — Но сначала нужно понять, что именно мы оставляем.

На следующий день они осмотрели перекрытие через технический люк в соседнем помещении. Инженер, вызванный

Павлом, проверил направление балок и состояние кладки. По его заключению, на выбранном участке позднее заполнение арки не несло нагрузки. Это не означало, что стену можно вскрывать бездумно: инженер указал, где разрешено снять несколько кирпичей, и попросил поставить временную подпорку до начала работы.

Затем Анна проверила пол. Она прошла его медленно, шаг за шагом, отмечая скрип и просадку. Над подозрительным участком доски не прогибались. По направлению старых гвоздей удалось определить, что лаги проходят вдоль стены, а не поперёк неё. Через существующий люк они осмотрели часть подполья: свежей влаги, обломков кладки или провисания балок не обнаружили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.